

Приватное и публичное в советской городской культуре (на примере города Молотов 1946-1953 гг.)

Между ростом городского населения в регионе и жилищным строительством существовало огромное несоответствие. Массовое перемещение населения на Урал было как добровольным, так и принудительным, да еще война привела эвакуированных вместе с заводами рабочих. Население Уральского региона росло быстрее, чем в других регионах страны. За 1939—1959 гг. население СССР увеличилось на 9,5%, РСФСР — на 8,4%, а Уральского региона — на 37,5% [4, 217].

Жилищное строительство не успевало за ростом населения, рабочие жили в бараках (в том числе каркасно-засыпных 1932-1935 годов постройки), в подвалах, ванных комнатах, сараях и даже в производственных помещениях. В «Справке о бытовом устройстве и культурном обслуживании рабочих завода им. Молотова», подготовленной летом 1953 г., можно обнаружить, что средняя плотность жилого фонда завода составляла 4,3 кв. м. на человека, причем «... по барачному фонду приходится 3,2 кв. м. на человека, а в отдельных общежитиях ... до 2 - 2,5 кв. м. и даже меньше». Около четверти всего жилого фонда были «...бараки каркасно-засыпного типа, половина которых построена в 1930 – 1932 гг.». В них проживало около 4000 рабочих. Составители справки, партийные функционеры, находят условия проживания в этих бараках невыносимыми: «Крыши протекают, стены осели и промерзают, в комнатах зимой холодно и сыро..., нет никаких удобств». Более тысячи рабочих проживало в общежитиях, в комнатах по 20 – 25 человек. В общих помещениях «...среди одиночек проживают 6 женщин с мужьями» [5, Д. 127. Л. 18-20].

Описание условий жизни в молодежных общежитиях (а на самом деле бараках) завода им. Кирова демонстрировало отсутствие городских условий коммунального хозяйства: «совершенно ненормальные условия с умывальными комнатами». Умывальник с 4-мя кранами в одном из общежитий делят 79 человек, а в другом общежитии умывальник с 3-мя кранами приходится на 85 человек. Отдельных комнат для умывания мужчин и женщин нет нигде. Таким образом, одним краном пользуются по 20-28 человек, тогда как даже по нормативу их должно было быть десять. К тому же умывальники установлены на общей кухне. С туалетом аналогичная ситуация – 1 уборная на 40 с лишним человек, и опять же без разделения на женскую и мужскую [1, Д.530. Л. 37-38]. В таких условиях и речи нет о приватности и отделении частного от публичного в повседневной жизни. Но и жаловаться на данную ситуацию молодые рабочие не спешили. Она была рутинизирована.

Но не только общежития и бараки были настолько переполнены, что культура приватности не развивалась. Коллективное проживание в одной квартире большого количества людей в

ожидании улучшения жилищных условий тоже было явлением повсеместным. Рабочий завода №19 им. Сталина, живший вместе с беременной женой, так описывал свою жилплощадь: «я живу по ул. 25-го октября дом 81, кв.2, а спать приходится в дровянике, т.к. в квартире некуда поставить кровать, у них самих семья 9 человек на 20 кв. м. Я подал заявление в жилищный отдел завода и меня включили в списки на новые дома. Но какие были сданы в эксплуатацию, но там не дали и нигде не дают, говорят ожидайте нового...» [2, Д. 516. Л.55].

В столь тесном проживании закреплялся такой сельский элемент культуры как нерасчлененность частной и публичной сферы. Он же распространялся на межличностные отношения. Семейная жизнь выносилась на всеобщее обсуждение. «Документы поздней сталинской эпохи свидетельствуют о том, что власти проводили целенаправленную политику лишения партийцев права на частную жизнь. Организация контролировала их семейный быт: заботу о женах, уделяя особое внимание тому, чтобы они не забывали водить их в кино, театр, воспитание детей, досуговые занятия, дружеские связи» - утверждает О.Л. Лейбович [3]. В то же время, желание раскрыть свою семейную проблему перед властью зачастую являлось инициативой снизу. В письмах к власти мы видим примеры, когда женщины обращались к власти, чтоб настроить отношения с мужем, или приструнить ревнивую жену сослуживца: «Я работаю помощником секретаря Нытвенского РК КПСС, а зав. учетом работает у нас тов. Д-в, и вот уже около 3 - х лет его жена, Д-ва, меня ревнует к нему. Об этом знает весь аппарат райкома. Дело дошло до того, если тов. Д-ев работает вечером в райкоме, так мне надо уходить из райкома» [7, Д. 193. Л.76].

Жизнь в таких невыносимых условиях разрушала нормы традиционной культуры, однако городской образ жизни не формировался. В результате культура маргинализировалась, распространение получали драки, насилие и пьянство. Пьянство играло роль клапана, спускающего накал недовольства окружающей действительностью. Оно воспринималось как естественный элемент повседневности. Обычно на пьянство не обращали особого внимания. И только отдельные случаи находили отражение в жалобах трудящихся, обиженных ситуацией несправедливости. Достаточно долго терпела, но в 1948 г. не выдержала и написала жалобу в обком партии работница Мотовилихинского завода: «механик Курбатов с ними (с начальниками – А.К.) пьет, дисциплина в отделе механики слабая, пьяных Курбатов старается не замечать на работе. Как бы плохо не работали они, а премии дает всем... Воскресенье 2 марта слесарь Гурдин наварил бочку браги и сговорились с Корытовым, Курбатовым и много других рабочих ... и организовали пьянку. Воскресенья видно не хватило ни Корытов ни Курбатов в понедельник на работу не вышли и не вышли на работу и рабочие, вся работа у нас... стояла. Вышли на работу во вторник 9 марта... кое как доработали смену. В среду 10 марта Корытов (начальник цеха, член ВКПб – А.К.) опять на работу не вышел...» [Д. 516. Л. 30-30 об.] Реакция обкома была очень мягкой – жалобу отправили на разбор в райком, а там приняли решение «За непартийный поступок Корытова К.А. предупредить» [8, Д. 516. Л. 32], и больше никаких последствий не было.

В позднюю сталинскую эпоху частная сфера была наполнена публичностью, в то же время, публичную сферу начали приватизировать. В послевоенные годы в условиях голода, карточной системы, отсутствия в продаже элементарных продуктов питания, работники завода возвращались к практикам натурального хозяйства, которые хорошо знакомы в крестьянской среде, при этом своим считали заводское имущество: «Коммунисты О. (главный механик завода – А.К.) и М. (начальник цеха – А.К.)... организованно похитили с цеха кровельного железа и электромоторы и меняли их на с/хоз. продукты с колхозами» [8, Д. 516. Л.82-83об.]. В позднюю советскую эпоху таких «приватизаторов» называли «несунами», о них говорили «ты здесь хозяин, а не гость, носи с завода каждый гвоздь». Таким образом, частная сфера становилась достоянием публичного внимания и обсуждения, а сфера публичного присваивалась и одомашнивалась (и пример этому - начальственный патернализм).

Промышленный город Молотов вбирал в 40 – 50-е гг. все больше жителей, но бывшие крестьяне не становились горожанами. Город был объединением рабочих поселков с полусельским образом жизни. В таком районе – поселке сосредотачивалась рабочая, бытовая, социальная и культурная жизнь. Урбанизированной социализирующей среды не формировалось, культуру нельзя было назвать городской, сельские хозяйственные практики (огороды и куры в квартире) сочетались с различными девиациями, а городские институты не складывались. Все это легло в основу тех особенностей советского города, которые проявляются по сей день, например, дачные сельскохозяйственные работы, ценность связей, натуральный обмен товарами.

Список источников и литературы:

1. Докладная записка. 1947 г. Машинопись // ПермГАНИ. Ф.105. Оп.13. Д. 530. Л.37-41.
2. Заявление рабочего завода №19 им. Сталина цех №72 Падучева А.А. – секретарю обкома ВКПб. 11.6.48 Рукопись // ПермГАНИ. Ф.105. Оп.14. Д. 516.Л. 55-56.
3. Лейбович О.Л. Дом о трех этажах, или как изучать повседневность поздней сталинской эпохи. Размещен: www.hse.perm.ru/.../dx.qf.qfkrvqbexagawsg_cnyeh%20kp%20zpu
4. Личман Б.В. Региональная индустрия в СССР. Екатеринбург, 1992.
5. Письмо Министру финансов СССР т. Звереву А.Г. 27.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 127. Л. 18-20.
6. Секретарю обкома от работницы Мотовилихинского завода цеха №22 Шатуновой 20.3.48. Рукопись// ПермГАНИ. Ф.105. Оп.14. Д. 516. Л. 30-32.
7. Секретарю Молотовского обкома КПСС тов. Прассу Ф.М. от пом. секретаря РК КПСС П. 25.05.1951. Машинопись. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 17. Д. 193. Л.76.
8. Жалобы и заявления трудящихся. 6 янв-18дек.1948 г. ПермГАНИ. Ф.105. Оп.14. Д. 516.